

НА МЕЗЕНИ

В 1958 г. продолжая и углубляя работу по изучению фольклора Русского Севера, сектор народного творчества Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР провел экспедицию в районы средней и нижней Мезени¹. Основные задачи экспедиции были те же, что и при работе на Печоре: собирание былин, песен и других фольклорных и этнографических материалов; наблюдение над общекультурными и фольклористическими процессами в старых мезенских деревнях, особенно — выявление тех ростков нового в местном быту и искусстве, которые с каждым годом все заметнее проникают сквозь традиционную народную культуру. Особым, более узким заданием экспедиции была проверка песенных материалов, опубликованных в «Новой серии» песен П. В. Киреевского с пометкой «г. Мезень»².

Экспедиция обследовала два района: Лешуконский (русские деревни по притоку Мезени р. Вашке и селения по Мезени от села Лешуконского вниз до д. Азаполье) и Мезенский (от д. Азаполье вниз до поселка Каменка).

Колхозы Лешуконского района в основном занимаются животноводством. Пожни, заготовка кормов, выращивание скота составляют основную заботу колхозников. Рыболовецких колхозов здесь нет: рыбу ловят в частном порядке для местного потребления. Зимой охотятся на ценного пушного зверя, бьют медведей и много лесной дичи. В районе ведутся большие лесные разработки, имеются артели по добыче и обработке лесохимических продуктов — смолы, серы и терпентина. Многие, особенно из среды молодежи, работают в лесном промысле. В некоторых деревнях подрабатывают щепяным промыслом — выделывают корзины, туеса, деревянную и берестяную посуду; последний промысел сейчас не развивается, так как деревня в изобилии снабжается посудой из города. Прочно живут лишь такие традиционные виды народного мастерства, как шитье лодок, изготовление саней, полозьев, лыж.

Жилища в Лешуконском районе обычного русского северного типа и представляют собой обширные избы с крытым двором, с большими поветями и высокими взвозами. Для этого района очень характерны резные деревянные головки коней (или оленей) на охлупнях не только домов, но и амбаров, а порою и бань. За исключением самого села Лешуконского (районного центра), в деревнях района женщины лет от 40 и старше ходят в сарафанах, повойниках и домотканых цветных поясах; в большие праздники девушки надевают красивые повязки с жемчугом и бисером и парчовые или штофные «коротеньки» без рукавов, с пышными сборками сзади и отделкой из золотого позумента. Но на таких «повязочницах» сейчас смотрят уже как на ряженых, и их становится с каждым годом все меньше.

Самый характер массовых деревенских праздников постепенно меняется: прежние традиционные праздничные дни (Иванов день, Петров день, Ильин день, Кириллов день, Кириков день, Афанасьев день и т. п.), связанные в прошлом с «престольными» «съезжими» праздниками, на которые собирались целыми деревнями и приглашали соседей со всей округи, давно уже утратили религиозное значение и все чаще начинают переноситься на смежные с ними праздники колхозного календаря: Ильин день нередко совпадает с праздником урожая, Иванов день — с праздником песни, другие — с годовщинами создания местных колхозов и т. п., так что многие прежде обрядовые формы празднеств приобретают в наши дни характер веселых массовых развлечений.

По всему району имеются школы (в ряде случаев — с интернатами), клубы и библиотеки. В деревнях функционируют лавки с различными промышленными товарами и книгами. Книги раскупаются охотно, а предметы современного городского быта уживаются рядом со старинными прялками, берестяными туесами и деревянной посудой традиционного вида.

Имевшиеся на Севере ценные памятники древнего русского народного зодчества почти не сохранились. Местные работники, к сожалению, не проявляют должной заботы об их сохранности.

В более северном, Мезенском, районе быт в основном тот же, но имеются и специфические отличия. Мезенский район находится ближе к морю; здесь больше внимания уделяется как рыбному хозяйству, так и морскому промыслу. Отсюда промышленники уходят «на тороса», т. е. на льдины берегового припая, бить морского зверя. Некоторые деревни Мезенского района издавна славятся «золотыми руками» своих мастеров-умельцев; в д. Кильца был центр бондарного дела — тут на всю округу делали (а частично делают и сейчас) разнообразные бочки, кадушки, лагуны, ушаты и т. п.; в д. Тимошеле издавна изготовляли лубяные корзинки и глиняную посуду; в д. Кимжа с незапамятных времен занимались медным литьем — лили колокольчики к дугам, медные «схзаты» (пряжки) для поясов и так называемые «коневаляские коньки». Этот последний вид литья очень своеобразен; он был вызван тем, что в прежние времена с Мезени расходилось по Руси много коновалов. Обучившись у местных специалистов, получивший квалификацию коновал заказывал себе в Кижме «коне-

¹ Данное сообщение в известной степени продолжает информацию того же автора под названием «На Печоре», опубликованную в журн. «Сов. этнография», 1958, № 6, стр. 146—151.

² Песни, собранные П. В. Киреевским, Новая серия, вып. 1, М., 1911, стр. 5—14.

вальского конька», т. е. медную литую табличку с прорезанными в ней силуэтами людей и коней. Таблички эти были разных рисунков; они прикреплялись к сумке с коновальскими инструментами и служили вывеской во время странствий коновала.

В отношении словесного и музыкального фольклора средняя и нижняя Мезень имеют много общего. В обоих районах встречаются все жанры традиционного фольклора, но сегодня они живут неравноценной жизнью.

В настоящее время на Мезени имеются только остатки былинного эпоса. Старожилы сообщают, что слышали «старины» в молодости и в свои зрелые годы, но не запомнили их, а что и восприняли — забыли. Потомки певцов, исполнявших былины в 1901 г. А. Д. Григорьеву, вымерли или не подхватили эпическую традицию. Некоторые пожилые мужчины помнили тексты, но не смогли спеть их для записи на магнитофон. Другие, наоборот, помнили напевы и зачины былин, но после 15—20 стихов заявляли, что дальнейших слов не припомнят.

В ряде деревень рассказывали, что по глухим притокам Мезени живут старики и старухи, которые знают и поют старины. На самой же Мезени былины почти исчезли.

Однако участникам экспедиции все же удалось записать 35 былинных текстов. Из них только 15 — законченные, записанные с голоса, с напевами. Остальные — или фрагменты, или ритмичный былинный сказ без напева, или прозаические сказки на былинные сюжеты. Ни одного певца типа печорских былинников с репертуаром хотя бы из пяти-шести былин экспедиция на Мезени не встретила.

Былинная традиция обнаружена экспедицией в четырнадцати мезенских деревнях; в остальных сохранились только воспоминания об исполнении былин в старину. Эти четырнадцать пунктов лишь частично совпадают с теми, в которых работал А. Д. Григорьев. В 1958 г. в Лешуконском районе былины были обнаружены в д. Смоленец, Едома, Малые Нисогоры, Кельчем-Гора, Юрома и Тиглява; в Мезенском районе — в д. Азаполье, Мел-Гора, Черсова-Гора, Кузьмин-Городок, Дорогая Гора, Кимжа, в городе Мезени и поселке Каменке. Экспедицией записано четырнадцать былинных сюжетов, из которых наиболее популярными оказались «Женитьба Алеши на жене Добрыни» (восемь записей), «Иван Горденович» (шесть записей), «Пир у князя Владимира» (пять записей). Четыре раза встретился сюжет «Илья и Сокольник», три раза — «Добрыня и змей», дважды — «Женитьба князя Владимира». Остальные сюжеты («Испеление Ильи», «Святогор и Илья», «Добрыня и Дунай», «Женитьба Добрыни», «Сорок калик», «Василий Буслаев», «Василий пьяница») — по одному разу. Кое-где население знало духовные стихи, которые на Мезени также называются «старинами», и старинные скоморошины.

Песни календарные, исторические, игровые, величальные и лирические всех разновидностей бытуют на Мезени очень широко. Почти во всех деревнях помнят (хотя в быту и не исполняют) святочные «Виноградья» с подразделением их на «холостые», «девьи» и «женатые». Из исторических наиболее популярны песни о «сынке» Степана Разина, о Платове, о смерти Александра I. Кое-где знают редкую песню о 1812 годе (с зачином «Заплакала Россияшка от французца»). Прекрасные лирические протяжные и веселые песни во многих случаях представляют собой тексты исключительной полноты и сохранности. Много на Мезени и старинных шуточных плясовых, например:

Кума к кумушке ходила, так, так!
Да кума кумушку любила, так, так!
— Да ты поешь, кума, покушай, так, так!
Да про мое житье послушай, так, так!
Да еще я живу, горюша, так, так!
Да по три утра муку сею, так, так!
Да на четверто высеваю, так, так!
Да на раствор-от идет мера, так, так!
Да на замес идет три меры, так, так!
Да полтора-то пуда соли, так, так!
Да не слышала, как катала, так, так!
Да жеребьюшку закатила, так, так!

Да стала в печку садить, так, так!
Да три лопаты изломала, так, так!
Да на четверту посадила, так, так!
Да печи устье закрывала, так, так!
Да жеребьюшечка заржала, так, так!
Да я к соседу побежала, так, так!
Да от соседа прибежала, так, так!
Да устье печи открывала, так, так!
Да жеребьюшку выкатала, так, так!
Да все притдело, пригорело, так, так!
Да ни хвоста нету, ни гривы, так, так!
Да ни копыт нету, ни щеток, так, так!³

В деревнях, более удаленных от города, как правило, поют больше и лучше. Песня живет как в непосредственном колхозном быту, так и в специальных хорах народной песни. Такие хоровые коллективы имеются в ряде деревень. Некоторые из них существуют уже 15—20 лет, участвуют в районных и областных смотрах художественной самодеятельности. В селе Лешуконском имеются народные хоры при районном Доме культуры и при районной конторе связи; в поселке Каменке — при Доме культуры; в некоторых деревнях — при клубах. Особо следует упомянуть многолетний Лешуконский хор, состоящий из жительниц Мезени и руководимый А. Уткиной. В составе этих хоров вместе с пожилыми и колхозницами средних лет имеется немало молодежи. Наряду с песнями советских композиторов эти хоровые коллективы исполняют традиционные свадебные, плясовые и протяжные песни; показывают местные хоро-

³ Записано Н. П. Колпаковой от А. Ф. Смородиной, 80 лет, и Л. Г. Смородиной, 80 лет, в д. Резя Лешуконского р-на Архангельской обл. 18 июля 1958 г.

воды и пляски («ходят улкой», «пляшут звездочкой», «играют прятлицу», «водят утушку» и т. п.). Таким образом, старая песня в своих лучших, наиболее художественных образцах незаметно переходит из семьи в более или менее профессиональное исполнение местной художественной самодеятельности. Большую роль в сохранении традиционной песни играет семья: молодежь, слушая старших, зачастую просит поучить их старым песням и охотно поет их.

На основе использования старой традиции возникают и новые, современные мезенские песни. Экспедиции удалось познакомиться с двумя известными на Мезени авторами — Т. А. Орешкиной в поселке Каменка и Т. Н. Листовой в селе Лешуконском. Обе они сами складывают и тексты, и напевы своих песен. Произведения Т. А. Орешкиной («Льетса реченька Мезень» и др.) частично уже известны в печати и в репертуаре самодеятельных народных хоров; песни Т. Н. Листовой исполняются пока только на Мезени. Образцы этого нового народного песенного творчества экспедиция зафиксировала на пленке магнитофона.

Что касается музыкального исполнения песен, собранных участниками экспедиции, то в Лешуконском районе бытует традиционное народное многоголосье; в Мезенском же районе этот тип многоголосья не развит, здесь оно возникает в хоровых коллективах на основании знакомства молодежи с многоголосьем профессиональной вокальной музыки, которое существенно отличается от народного многоголосья.

Мезенских песен в старых записях опубликовано мало. Тем интереснее было сравнить записи нашей экспедиции хотя бы с теми текстами, которые помещены в первом выпуске «Новых песен» Киреевского с указанием на город Мезень. Детальная проверка текстов и репертуара и опрос населения показали, что песни Киреевского фактически отражают репертуар не города Мезени, а деревень, расположенных по верхнему течению реки; очевидно, записи в г. Мезени были сделаны для Киреевского не от местных жителей, а от мезенцев, приехавших (или происходивших) из деревень верхних районов.

Кроме былин и песен, экспедиция записала много частушек, загадок, ряд местных легенд и преданий, материал по бытованию сказок. Среди загадок нашлось несколько десятков очень своеобразных, например: «Этой бабке — сто лет, горба у ней нет, высоконько торчит, далеконько глядит, придет смерть за старушкой — станет бабка избушкой» (сосна); «Дедушка старый, весь белый, лето придет — не глядят на него, зима настает — обнимают его» (печь); «На одном полозу хлеба на год привезу» (людка с уловом рыбы); «Не дерево, а суковато» (оленьи рога). Интересны местные пословицы и поговорки, в ряде случаев представляющие собой варианты к общеизвестным народным афоризмам: «Кто в лес, кто по дрова, а кто и за сеном», «Не боги горшки обжигают, а тимошеля» (жители деревни Тимошеля) и др. Всего экспедиция привезла в 1958 г. с Мезени около двух тысяч текстовых записок и свыше трехсот магнитофонных.

Как сказано, данная поездка — продолжение работы Сектора народного творчества на Печоре в 1955—1956 гг. Таким образом, три экспедиции на Русский Север дали большое количество материала по традиционному и частично по новому песенному фольклору; сделано много наблюдений по этнографии, экономике и художественным промыслам в районах северных рек. Вместе с тем были собраны специальные материалы для выяснения исторической жизни тех фольклорных жанров, которые в свое время записывали А. Д. Григорьев, Н. Е. Ончуков, А. М. Астахова. У нынешних экспедиций была возможность на текстах, записанных в тех же самых деревнях, проследить изменения, внесенные временем в былины и песни Мезени. Участники экспедиции убедились также в том, что именно на Севере, в заповеднике классического русского песенного и былинного фольклора, имеются все условия для развития нового народного песенного творчества. Именно здесь советская народная песня, сочетая национальные традиции с новыми художественными образами и идеями нашей современности, имеет возможность развиваться в подлинно народном характере. Благодаря тому, что фольклорные записи на Русском Севере производились в течение XIX — начала XX в., имеется возможность исследовать развитие традиционного фольклора и выяснить, какие элементы его остаются в репертуаре и в творческой лаборатории создателей новой народной песенности.

Вместе с тем не следует забывать, что ряд районов вокруг крупных северных рек (в частности, селения по их мелким притокам) еще никогда не посещался фольклористами и этнографами. Исследуя пути создания современных песен, нужно бережно разыскивать и то традиционное, что еще хранится в глубинах северных лесов и что, бесспорно, имеет не только художественное, но и большое социально-историческое значение.

Н. Колпакова